

А.П. ЧЕХОВ И «БИОГРАФИИ С БОРОДАВКАМИ»: ГЕНЕЗИС, АЛГОРИТМЫ СОЗДАНИЯ И СПЕЦИФИКА ЖАНРА

Виктор Сергеевич Зайцев

кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Москва, Россия)

e-mail: vik.zaytsev2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0790-2635

Аннотация. Статья посвящена феномену «десакрализующей» биографии на примере нескольких исследований жизни и творчества А.П. Чехова, а также причинам спроса на подобные жизнеописания у массового читателя. Эта чеховедческая линия связана с мемуарной традицией, в частности очерком Н.М. Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)» (1909). Н.М. Ежов, опираясь на опыт личного общения с А.П. Чеховым, предпринял попытку дать объективный творческий и психологический портрет писателя. Попытка свелась к набору недоказуемых инвектив и скептически была воспринята большинством современников. Сегодня этот жанр чеховедения в частности и литературоведения вообще можно причислить к образцам постмодернистского подхода к культуре, которому свойственны деканонизирующие тенденции в исследовании и изображении классических образцов культуры. К современным и наиболее характерным работам подобного рода относится книга Д. Рейфилда «Жизнь Антона Чехова». На примере книги Д. Рейфилда можно проследить специфические структурные элементы «биографии с бородавками» (как сам автор определяет сущность подобного подхода в одном из своих интервью): подчеркнутую полемическую направленность в отношении академической традиции, наукообразность в оформлении подачи материала, видимость объективного изложения, комбинирование доказанных фактов с недоказуемыми предположениями биографа. Внимательный анализ всех составных частей методики десакрализующих биографий позволяет сделать вывод, что основной целевой аудиторией их создателей является массовый читатель, который воспринимает деканонизирующие работы, маскирующиеся под академические исследования, как полноценно научный доказательный новый взгляд на те или иные

аспекты чеховской биографии. В работе Д. Рейфилда это впечатление формируется также целенаправленной трансформацией некоторых рядовых фактов чеховской биографии в ключевые события внутренней и внешней жизни писателя. Изучение подобного рода работ и реакции на них массового читателя необходимо академической науке для анализа и теоретического обобщения культурных тенденций современной эпохи.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Н.М. Ежов, Д. Рейфилд, чеховедение, биография, массовое чтение

Важным аспектом функционирования человеческой культуры является перманентная тяга к «переоценке ценностей», к десакрализации и деканонизации того, что было культурно легитимировано предшествующими поколениями.

Одним из ключевых проявлений попыток деканонизации становятся подчеркнута «антиапологетические» работы, посвященные тому или иному десакрализируемому деятелю культуры. Артикуляция «антиапологетики» может варьироваться от прямо декларируемых попыток развенчания, до биографий, позиционируемых как предельно объективные. В истории чеховедения одним из первых опытов подобного рода стал очерк Н.М. Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)», напечатанный в 1909 г. Очерк заслуживает пристального внимания, поскольку десакрализаторы конца XX – начала XXI в. в целом повторяют многие приемы, использованные Н.М. Ежовым в его мемуарном тексте. Основной заявленной установкой мемуариста была максимальная объективность, на чем он акцентировал внимание в начале работы: «Из своей статьи я совершенно устранию собственную личность и буду приводить лишь факты из жизни Чехова, мне доподлинно известные. <...> Главная же моя опора – моя совесть и сознание, что сам Чехов, если бы это было возможно, сказал, что я не пишу здесь ни одного слова лжи» [Ежов 1909а: 501]. Несмотря на прокла-

мируемый принцип, подразумевающий учет всех фактов pro et contra, большинство характеристик, которые Н.М. Ежов дает А.П. Чехову, имеют явно однонаправленный негативный характер. Например, повествуя о начале литературной славы писателя, мемуарист отмечает, что А.П. Чехов, «войдя в известность, ужасался при появлении всякого малозначительного гостя и не любил разговоров даже с близкими знакомыми; только там, где для самого Чехова имелся интерес, выступали на сцену и любезности, и приглашения вновь, и дружеские поцелуи» [Там же: 500]. Кроме того, «молодой писатель возомнил о себе не как о литераторе в удаче, а как о гении, чего на самом деле вовсе не было. До гениальности ему было так же далеко, как было далеко до Чехова его многочисленным подражателям» [Там же: 507]. Интеллектуальный облик А.П. Чехова Н.М. Ежов описывает так же скептически, как и его литературные способности: «Зубря в университете свою медицину для того, чтобы потом ее быстро забросить и забыть, он читал мало книг, не был хорошо знаком с иностранной литературой... да и русскую-то вряд ли знал основательно» [Там же: 514]. Резюме выглядит так:

«Давая вместо характеристики какой-то иступленный гимн, популяризаторы имени Чехова делают и сами смешны и делают смешным предмет своих преувеличенных похвал. <...> Не надо ни прикрас, ни умаления подлинных достоинств

разбираемого писателя, и портрет от этого только выиграет. Этим самым правилом руководствовался и я... Если же я не вычеркнул из характеристики Чехова кое-какие минусы, о каких мне до сих пор читать нигде не приходилось, то я скажу, положив руку на сердце, что характеристика выдающегося общественного деятеля есть такая песня, из которой ни одного слова не выкинешь» [Там же: 518–519].

Л.Е. Бушканец, подытоживая свой обстоятельный разбор очерка Н.М. Ежова, отмечает, что

«в посмертной литературной судьбе каждого писателя почти всегда есть ниспровергатель, более или менее успешно привлечший внимание к своим выпадам. Он выдвигается на литературную арену тогда, когда достигает своего апогея миф о писателе... В процессе сакрализации писателя есть момент, когда “ниспровергатель” чувствует, что у него появилась действительная возможность повлиять на общественное мнение – чаще всего он ошибается» [Бушканец: 365].

Резюме справедливое, но оно ограничивает роль Н.М. Ежова историческим моментом. Нам подход Н.М. Ежова интересен его своеобразной внеисторичностью, которая проявилась в ходе возражений Н.М. Ежова на возникшую вокруг его «опыта» полемику.

Очерк вызвал много критических публикаций: А.В. Амфитеатрова, А.И. Измайлова и пр., и в том же году Н.М. Ежов опубликовал

ответ на критику и разъяснение своих идейных и методологических позиций:

«По-моему, начав писать биографию Чехова, ни один биограф не имеет права утаить яркие факты жизни этого литератора, хотя бы сам по себе иной факт показывал Чехова в невыгодном освещении. Так поступил и я, собрав о Чехове все светлое, украшающее, но точно также упомянул и о том, что не прибавляло Чехову в его достоинствах» [Ежов 19096: 596–597].

Вновь артикулировался и принцип нелицеприятия: «...приступая к характеристике Чехова, я желал сказать о нем правдивое слово, в котором нет ни лести, ни недоброжелательства. Допускаю, что у меня есть ошибки, но и это заранее было оговорено в моей статье» [Там же: 607]. Эти два принципа «объективной» (по Н.М. Ежову) биографии любопытны тем, что в различных вариациях имеются во многих претендующих на объективность чеховских биографиях и в наше время. Являясь номинально декларацией непредвзятости, фактически (и у Н.М. Ежова, и у современных десакрализаторов) эти положения представляют собой то, что в логике называется «уловкой демагога», поскольку любой биографический очерк не исчерпывается набором «положительного» и «недостойного»: важны как пропорции такого рода фактов, так и формат их репрезентации, иными словами, все то, что составляет кон-

цептуальную основу любой биографии и чем любая биография отличается от хроники либо летописи жизни и творчества.

Текст Н.М. Ежова – предок многих своеобразных исследований, характерных для нашего времени. Ярким примером современной десакрализирующей псевдоакадемической работы может служить монография М.Н. Золотоносова «Другой Чехов: По ту сторону принципа женофобии». В целом предварительные замечания М.Н. Золотоносова соответствуют именно ежовской деканонизирующей модели:

«Первый» Чехов известен хорошо. Гениальный русский писатель реалист, драматург-реформатор, принадлежавший к кругу авторов европейской новой драмы, борец с пошлостью, “интеллигент в пенсне”, постулировавший, что в человеке все должно быть прекрасно. Но под вполне благопристойной маской можно обнаружить и “другого Чехова”, с другим характером, с другими литературными (и нелитературными, например, медицинским) контекстами» [Золотоносов: 5].

Естественно, «если все табуированное и отброшенное разблокировать и снова собрать, под маской обнаружится “другой Чехов”, другой человек и отчасти другой писатель» [Там же: 6]. М.Н. Золотоносов, упоминая о сборнике статей 1930-х гг. «Чехов и его среда», предлагает любопытную инверсию «среда и ее Чехов», и это полемический при-

ем с элементами неосознаваемой самохарактеристики: исследования, претендующие на некую «надсредность», пытаясь (якобы – в противовес многочисленным штампам и клише) предложить образ «другого Чехова», демонстрируют противоположный изначальным стремлениям итог: адекватность среде, породившей такие исследования.

М.Н. Золотоносов предваряет книгу характерным тезисом о том, что «российскому обществу в XX в. требовался писатель с личностью “интеллигента в пенсне”, идеализированного “друга женщин”, изящного во всех проявлениях своих чувств, лишённого “брутальных” мужских качеств, агрессивности и “физиологического аппетита” (то есть почти асексуального)... И именно Чехову после смерти было суждено эту маску носить, эту социальную роль (мало соответствовавшую его природным качествам) играть...» [Там же: 5]. Свой взгляд на чеховский образ М.Н. Золотоносов, таким образом, позиционирует как выявление аутентичных «природных качеств» писателя в противовес качествам, навязанным позднейшей рецепцией, традицией и мифологизацией. Результат экзотичен. Задача работы М.Н. Золотоносова – обосновать гипотезу о «мазохизме и женоненавистничестве» А.П. Чехова [Там же: 48]. В соответствии с заявленными установками выдержана интерпретация всего творчества и биографии писателя. Так, А.П. Чехов времен учебы на медицинском факультете яко-

бы «...в каждой женщине... видит “гетеру” и желает ею обладать» [Там же: 6]. Домостроевские методы воспитания, которыми руководствовался отец писателя, привели к тому, что «...в борьбе с образом Отца (и неотделимой от него триадой детских мучений лавка-церковь-школа) Чехов переносит все его негативные качества на “опасных женщин”, которых надо и / или можно бояться» [Там же: 20]. В контексте борьбы с этим образом анализируется и поездка писателя на Сахалин, куда А.П. Чехов, по мнению М.Н. Золотоносова, «отправился в поисках образов Насилия. Естественно, что с особой подробностью он описал телесные наказания розгами и плетью..., причем описал и боль наказываемых, и наслаждение, получаемое палачами и зрителями от наказания каторжников» [Там же: 26]. В целом для золотоносовских выкладок характерен мощный полемический напор на якобы искаженный культурной сакрализацией облик А.П. Чехова, но слабая доказательная база предлагаемых альтернативных трактовок (либо ее имитация в виде громоздкого научного или, точнее, «наукopodobного» аппарата: большого количества ссылок, огромного списка литературы и т. п.).

Подлинной современной классикой десакрализующей биографии и эталонным примером штудий подобного рода является, безусловно, работа Д. Рейфилда «Жизнь Антона Чехова» (1998). Комментируя в одном из

интервью скептическую реакцию некоторых чеховедов на свою книгу, Д. Рейфилд отмечал, что «в России еще не привыкли к жанру английских биографий “с бородавками”, то есть без излишнего почтения» [Рейфилд, Шендерова: 41]. Основной жизнеописательный принцип «бородавчатого» подхода к биографии А.П. Чехова Д. Рейфилд дает в предисловии к своему труду: «Любая биография – это вымысел, который тем не менее должен быть увязан с документальными данными» [Рейфилд 2014: 12]. «Вымысел» Д. Рейфилда сводится к скрупулезному описанию фактов чеховской жизни (от общеизвестных до предельно интимных) за исключением факта творчества – оно на страницах биографии не концептуализировано, но представлено как набор разрозненных любопытных фактов, детерминированных внешними событиями чеховской жизни, о чем биограф также предупреждает читателей заранее: «В нашей книге его рассказы и пьесы затрагиваются в той мере, в какой они вытекают из событий чеховской жизни или воздействуют на нее. Биография не есть литературно-критическая штудия» [Там же: 15]. Итогом, по мнению многих авторитетных филологов, стало жизнеописание, руководствуясь которым можно узнать об А.П. Чехове большое количество сведений (почти не ранжированных по значимости), но невозможно составить более или менее внятный творческий портрет писателя – притом, что массовый и професси-

ональный интерес к чеховской биографии обеспечивает именно его творчество [Гитович: 224–236]. Д. Рейфилд предлагает альтернативный вариант взаимосвязи и ценностной нагруженности чеховской творческой биографии и жизненного пути, и неслучайно И.Э. Васильева и А.Д. Степанов относят книгу Д. Рейфилда к «постмодернистской культурной парадигме» (кстати – наряду с книгой М.Н. Золотоносова) – со всеми вытекающими деструктивными особенностями такого подхода [Васильева, Степанов: 249–250].

Помимо примеров, свойственных «десакрализаторам» в их обращении с фактическим материалом, и мемуары Н.М. Ежова, и тексты современных продолжателей борьбы за аутентичность «без излишнего почтения» предлагают конкретную схему выстраивания общей картины.

Краеугольный камень подобных работ – полемическая направленность с тенденцией к дискредитации иных точек зрения: в конструируемой Н.М. Ежовым реальности лгут все мемуаристы, у М.Н. Золотоносова и Д. Рейфилда – почти все представители академической науки. Полемика может базироваться как на реальных основаниях, так и на фальсифицированных (ежовский пафос борьбы с тенденцией идеализировать А.П. Чехова объективен, поскольку она реально прослеживалась в многочисленных воспоминаниях о писателе, печатавшихся в дореволюционной периодике, Д. Рейфилд

же воюет с ветряными мельницами мифических директив ЦК КПСС и едва ли не коллективным заговором советских чеховедов).

Вторая важная составляющая – создание иллюзии объективности изложенных фактов и их интерпретаций. Н.М. Ежов, на правах воспоминателя, достигает этого постоянным упоминанием о своем личном общении с А.П. Чеховым, в руках Д. Рейфилда (как и М.Н. Золотоносова) таким орудием служит наукообразность: многочисленные ссылки на архивные источники, часть из которых не несет почти никакой реальной смысловой наполненности или какого-либо, кроме ультракосвенного, отношения к чеховской биографии, как, например, текст скабрёзного стихотворения из письма А.С. Киселева к А.П. Чехову с добросовестной ссылкой на конкретный архивный фонд, картон и единицу хранения [Рейфилд 2014: 209, 832].

Третий элемент – комбинирование доказуемых фактов с недоказуемыми предположениями и апеллирование к соучастию читателя (почти чеховский расчет на активного читателя). В исполнении Д. Рейфилда образцом такого рода манипуляции может служить описание свидания А.П. Чехова и Л.С. Мизиновой в 1893 г.: «Антон чувствовал, что настало время уступить Ликиным мольбам. Вернувшись в Москву, он 26 января медленно поднялся по лестнице, ведущей в ее квартиру: после трех лет уверток и отговорок он решил капитулировать»

[Там же: 396]. У исследователя нет никаких доказательств реальности этого свидания либо его романтической составляющей, как нет и источников, способных детально описать обстоятельства этой встречи. Но беллетристический ход с недоговоренностью вкупе с обилием подробностей, касающихся аналогичных биографически бесспорных эпизодов, ставит гипотетическое свидание А.П. Чехова с Л.С. Мизиновой вровень с реальными фактами биографии писателя.

Таковы три основных элемента несущей конструкции «биографии с бородавками». И если у специалистов этот жанр в основном не пользуется спросом, то массовый читатель, как правило, с большим интересом реагирует на появление подобного рода биографий, о чем свидетельствует, в частности, количество переизданий книги Д. Рейфилда.

В чем причина? Помимо глобальных культурных подвижек – в том числе и в социальном запросе (который глобальными культурными метаморфозами во многом детерминирован). Деканонизирующие биографии наиболее живой отклик находят в среде непрофессиональных читателей. Любой разговор о «массах» означает, что пробил час источников неакадемических. Приведем один крайне любопытный и показательный пример. В социальной сети «ВКонтакте» существует группа «факультатив по истории» (sic). Администратор и автор всех текстов группы – О. Андреева (реально ли это су-

ществующий человек, или псевдоним – возможно, коллективный – для наших целей значения не имеет). 11 ноября 2015 г. в этой группе был опубликован интересующий нас текст. Приводим его полностью (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

«Нет ничего скучнее школьного учебника по русской литературе. Все писатели в нем гении. Все они родились, написали свои гениальные произведения и умерли. У них не было личной жизни. Они не ели, не спали, не путешествовали, не били друг другу морду. Русские писатели в школьном учебнике занимались исключительно тем, что беспокоились о будущем отчизны и поклонялись прекрасной даме. Тургеневу единственному разрешено было иногда охотиться, но тоже только для того, чтобы потом писать о прекрасной русской природе. А так, в целом, картина печальная. Гончаров лежал на диване, Крылов безбожно обжирался, за Пушкина вообще стыдно – взрослый мужик всю жизнь прожил с няней, ел с ложечки и засыпал под сказки. Ну что, кто-то станет их читать? Ну, возможно, какой-нибудь сильно прыщавый восьмиклассник и станет. Я лично – нет. Я страшно рада за Наташу Ростову и за ее первый бал, но на сто второй странице описания этого чуда чудного мне хочется выйти в окно, Лев Николаевич.

А между тем, проблема решается просто. Просто нужно говорить о писателях правду. Не надо говорить, что Некрасов со своим «Кому на Руси жить хорошо» ездил по деревням и весям, обливаясь слезами за бедный русский народ. Скажите

правду – что Некрасов жрал в три горла и тратил тысячи направо и налево. Что деревню он видел, проезжая в своей роскошной троечке, медведей стрелять из заграничных ружей. Что Гончаров не лежал на диване, а плавал кругосветку, вот, дневник остался, не хуже Крузенштерна, надо сказать. Дайте шанс Лескову – у него кроме как про блоху вообще ничего не читают, так скажите, что Лесков был вегетарианцем, пусть его хотя бы кто-то, хотя бы свои полистают. Скажите, что Бунин при живой жене стал жить с молоденькой девушкой, поселив их всех вместе. Что им от бедности было нечего есть, нечего носить, нечем писать – чернил и то не хватало. А то слишком идеальный у нас нобелевский лауреат получается. Почему никто не скажет, что Паустовский работал в трамвае? Что Волошин спал на снегу в горах Андорры, дойдя оттуда из Франции пешком? Что Цветаева брилась налысо? Господи, писатели такие же люди. Дайте им шанс!»¹.

На 1 декабря 2022 г. текст собрал 8655 отметок «нравится». Кроме того, заметка часто публикуется на различных ресурсах и форумах. Например, на популярном в Рунете сайте pikabu.ru текст (под симптоматичным заголовком «Писатели тоже люди») собрал 2562 «плюса» и 161 «минус»² и т. д. Не углубляясь в анализ каждого конкретного пере-

поста и дебатов, с ним связанных, отметим, что текст в целом вызывает одобрительную реакцию.

Чем может быть интересна эта инвектива рядового интернет-пользователя в адрес «школьного учебника русской литературы»? Тем, что она иллюстрирует специфику современных массовых читательских практик и «горизонтов ожиданий», связанных с фигурами писателей, а все претензии несут отпечаток общих недостатков мышления «восставших масс» (либо идеологов и катализаторов этого мышления, к «массам» в строгом смысле слова не принадлежащих – таков случай Д. Рейфилда, например).

Первое, на что следует обратить внимание, – отсутствие упоминаний конкретных школьных учебников по литературе. Имеется в виду некий абстрактный «учебник вообще», притом что приводимые примеры с обезличенными гениальными русскими классиками выглядели бы гораздо убедительнее, если бы были подкреплены ссылками на несколько конкретных изданий. Нами были взяты (почти наугад) три школьных учебника по литературе, приблизительно современных рассматри-

¹ https://vk.com/historyfacult?w=wall-87396564_304 (дата обращения: 01.12.2022).

² https://pikabu.ru/story/pisатели_tozhe_lyudi_3798941 (дата обращения: 01.12.2022).

ваемому «манифесту»: учебник И.Н. Сухих для 11 класса (в 2 частях, 2011), учебник под редакцией В.Я. Коровиной для 9 класса (в 2 частях, 2006–2008), и учебник В.И. Сахарова и С.А. Зинина для 10 класса (в 2 частях, 2012). Безусловно, перечисленные автором «школьные факты» о классиках – синтез иронии и утрировки с претензией на отражение реальных тенденций. Однако даже воспринятый в таком постмодернистском формате текст никаких объективных тенденций не отражает.

Ни в одном пособии не говорится о том, что А.С. Пушкин «всю жизнь прожил с няней, ел с ложечки и засыпал под сказки». О плавании И.А. Гончарова и очерках «Фрегат “Паллада”» упоминают С.А. Зинин и В.И. Сахаров [Зинин, Сахаров: 177]. Они же рассказывают о романе И.А. Тургенева с П. Виардо (и это та самая «личная жизнь», которая не освещена в «школьных учебниках», по мнению автора «манифеста») [Там же: 213–214], его аресте и высылке в имение [Там же: 214]. Н.А. Некрасов не «жрет в три горла и тратит тысячи направо и налево», а открывает школу, а главу «Пир на весь мир» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо?» посвящает, будучи смертельно больным, своему лечащему врачу С.П. Боткину [Там же: 303, 322] – и это та самая «правда», которой потенциально тоже можно заинтересовать школьников. В пособии под редакцией

В.Я. Коровиной в контексте поэтических дебютов М.И. Цветаевой упоминается ее литературное бунтарство [Коровина: 120] – не бритые головы, но факт и в биографическом, и в филологическом смысле характерный и плодотворный. В том же учебнике, в очерке об И.А. Бунине предстает фигура не «идеального нобелевского лауреата», а человека противоречивого, например, тяжелого в личном общении [Там же: 45]. И.Н. Сухих подробно рассказывает о том, что И.А. Бунин не окончил гимназию, занимался самообразованием [Сухих: 147], упоминает и о тяготах жизни во Франции во время Второй мировой войны [Там же: 155]. Иными словами, почти все, что требует от школьных учебников «манифест», там найти можно: лексически и понятийно оформленное в соответствии с возрастом целевой аудитории.

Второй показательный факт – незаметная подмена тезиса. Текст в целом направлен против учебников литературы, которые – ввиду набора недостатков (видимо, подобранных в соответствии с распространенным клишированным набором претензий к школьному литературному образованию, а не вычитанных в конкретных изданиях) – не способствуют пробуждению интереса к чтению первоисточников. Однако подытоживает констатацию демотивирующего влияния учебных пособий на школьников фраза об описании

первого бала Наташи Ростовской: «...на второй странице описания этого чуда чудного мне хочется выйти в окно, Лев Николаевич»¹. Претензии адресованы уже Л.Н. Толстому. Таким образом из области недостатков учебников автор делает шаг к критике персоналий, которым эти пособия посвящены, т. е. неудовлетворение вызывают не только и не столько учебники, но подбор и объективные характеристики текстов, предлагаемых для чтения и анализа.

Третья важная проблема эксплицируется в призыве интернет-манифестанта «говорить о писателях правду». Незамысловатая коллекция «фактов» о Н.С. Лескове, Н.А. Некрасове, И.А. Бунине противопоставляется в тексте мнимой лжи школьных уроков литературы. Между тем, бунинский любовный треугольник с одной стороны и получение им Нобелевской премии с другой – это не противопоставление правды и лжи, а набор разноплановых фактов, как и некрасовские «тысячи», не исключая антикрепостнического пафоса его поэзии. Здесь мы сталкиваемся с очередной логической ошибкой / уловкой, известной еще средневековым схоластам: содержанием понятия «Иван Бунин»

являются и его личная жизнь, и Нобелевская премия – вопрос (и чисто логический, и литературоведческий), что считать существенным, а что нет; в контексте «манифеста» существенными являются перипетии личной жизни писателя, для истории отечественной и мировой культуры – литературная биография И.А. Бунина.

Что же расценивать как концептуально значимое для литературного процесса? Ведь основная задача учебника вкратце познакомить школьника именно с ним. В данной перспективе значимыми становятся не бедность И.А. Бунина и его взаимоотношения с женой и любовницей, а бунинское творчество. Здесь мы подходим к любопытной проблеме дифференциации «факта» и «события». Различия и взаимоотношения между фактом и событием – одна из болевых общетеоретических точек биографики. Применительно к проблемам, связанным с жизнеописанием А.П. Чехова, об этом конструктивно пишет И.Е. Гитович:

«Безусловно, все, что делается человеком и с человеком, есть факт его жизни. А значит, может оказаться фактом биографии. И – событием. <...> ...поездка (А.П. Чехова – В. З.) на Са-

¹ https://vk.com/historyfacult?w=wall-87396564_304 (дата обращения: 01.12.2022).

хагин – огромной важности событие, распадающееся на множество фактов и эпизодов разной значимости, но имеющее свой основной тон, который должен уловить биограф... А вот слова из письма А.С. Суворину о японке, которые с поразительной запальчивостью возводят в ранг события некоторые авторы, есть все-таки только эпизод, только деталь, только знак пережитой эмоции. Эмоция же – как впечатление – была неизмеримо больше, чем эпизод именно с японкой. На статус события это не тянет... <...> Это не значит, что об этом писать нельзя. Можно. И здесь важно только одно – как писать. Т. е. что в этом и за этим видеть» [Гитович: 101–102].

Под «некоторыми авторами», возводящими в ранг события пресловутый отрывок о японке (рассказ А.П. Чехова о посещении борделя в Благовещенске), подразумевается, в первую очередь, Д. Рейфилд. В статье, посвященной памяти А.П. Чудакова, Д. Рейфилд пишет о «важном импульсе», который дала чеховедческой науке статья А.П. Чудакова «Неприличные слова и облик классика» (именно в этой статье впервые был опубликован «отрывок о японке»):

«Она сделала для биографии Чехова и для жанра биографии в России то же, что “Поэтика Чехова” сделала за двадцать лет до того для литературной критики. После таких публикаций стало гораздо труднее врать. Было уже невозможно

отождествлять Чехова ни с советским гуманизмом, ни с шаблонами его антигероев» [Рейфилд 2006: 21].

В качестве показательной иллюстрации того, какие именно тексты Д. Рейфилд классифицирует как основополагающие для современного чеховедения, приведем отрывок из письма А.П. Чехова к А.С. Суворину от 27 июня 1890 г.:

«Комнатка у японки чистенькая, азиатско-сентиментальная, уставленная мелкими вещичками, ни ташиков, ни каучуков, ни генеральских портретов. Постель широкая, с одной небольшой подушкой. На подушку ложитесь Вы, а японка, чтобы не испортить себе прическу, кладет под голову деревянную подставку, вот такую [рисунок]. Затылок ложится на вогнутую часть. Стыдливость японка понимает по-своему. Огня она не тушит и на вопрос, как по-японски называется то или другое, она отвечает прямо и при этом, плохо понимая русский язык, указывает пальцами и даже берет в руки, и при этом не ломается и не жеманится, как русские» (цит. по: [Чудаков: 55]).

А.П. Чудаков предпосылает эпистолярной цитате следующее рассуждение: «Благодаря нашей привычной заботливости о моральном облике писателя, читатели лишены одного фрагмента чеховской прозы, любопытного с точки зрения по-

этики нечасто изображавшейся в русской литературе ситуации» [Там же]. Стоило уточнить (и это принципиально важно) – «профессиональные читатели», умеющие, в большинстве своем, усматривать разницу между значимыми и проходными «фактами» и «событиями». Массовому читателю эпизод с японкой не даст ничего, что позволит уяснить своеобразие и важность литературного и культурного значения чеховского творчества или своеобразия и величия чеховской личности, но может навредить оптике восприятия. Однако именно этот «факт» и возвел в ранг «события», переворачивающего чеховедческую парадигму, Д. Рейфилд. И именно массовое восприятие, а также авторы, ориентированные на массы, чаще всего страдают либо неосознанным, либо сознательным неумением дифференцировать события и факты, что подтверждает и анализируемый нами текст из социальной сети «ВКонтакте», и трактовка Д. Рейфилдом статьи А.П. Чудакова о купюрах в чеховских письмах.

И.Е. Гитович специфику подобных культурных ориентаций усматривает в общекультурных реалиях современности: «Сегодня, освобождаясь от чрезмерности былых морализаторских табу, мы освобождаемся, похоже, и от чувства меры, и от ощущения если не стыда, то хотя бы неловкости, которую должен испытывать

нравственно здоровый человек, когда он оказывается перед тайной чужой жизни» [Гитович: 61]. Морализаторские табу могут быть, были и во многом сейчас являются препятствием в том числе и в исследованиях исключительно научного характера, но их противоположность, табу «антиморализаторские», социальный заказ на односторонне толкуемую «правду», заставляющий искать ее исключительно в пределах личной и интимной жизни А.П. Чехова (и других деятелей культуры), дадут не многим более эвристичные результаты, чем полиелей большинства писавших об А.П. Чехове мемуаристов или советские «лозунговые» чеховедческие монографии В.В. Ермилова.

Подобного рода бунты «против учебников» и «во имя правды» не новы. В.Б. Шкловский, например, в свое время проклинал «книжки биографий Павленкова, все эти образки с одинаковыми нимбами. Все хороши, все добродетельны» [Шкловский 1923: 272]. Однако бунт может базироваться на разных фундаментах и преследовать разные цели. В.Б. Шкловский протестовал против Д.Н. Овсянко-Куликовского, А.Н. Пыпина и университетских «рыбокоптилен для теоретиков искусства» [Шкловский 1921: 2] – с этого отрицания начинаются ОПОЯЗ и научное литературоведение. Массовый читатель бунтует безо всяких конструктивных осно-

ваний или теоретически плодотворных последствий, бунтует исключительно потому, что ему «не интересно» (знакомиться с писательскими биографиями, читать художественные тексты и т. п.). Такие бунты – неотъемлемая часть современной отечественной и мировой культуры. Результатом этих культурных тенденций стало, помимо прочего, и появление постмодернистских декрализирующих жизнеописаний деятелей искусства прошлого, которые необходимо научно изучать как часть глобального культурного ландшафта начала XXI в.

Литература

Бушканец, Л.Е. «Он между нами жил...». А.П. Чехов и русское общество конца XIX – начала XX века. Казань: Казанский университет, 2012.

Васильева, И.Э., Степанов, А.Д. В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет // Русская литература. 2022. № 2. С. 248–254.

Гитович, И.Е. Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении. М.: Литературный музей, 2018.

Ежов, Н.М. Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики) // Исторический вестник. 1909. № 8. С. 499–519.

Ежов, Н.М. Моя статья о Чехове. (Бесе-

да с читателями) // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 595–607.

Зинин С.А., Сахаров В.И. Литература. 10 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1. М.: Русское слово, 2012.

Золотоносов, М.Н. Другой Чехов: По ту сторону принципа женофобии. М.: Ладомир, 2007.

Литература. 9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. В.Я. Коровиной. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 2008.

Рейфилд, Д. Жизнь Антона Чехова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014.

Рейфилд, Д. «Он к величаниям еще не привык...» // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 21–23.

Рейфилд, Д., Шендерова, А. «Весь компромат Чехов собрал на себя сам» // Власть. 2010. № 3. С. 40–41.

Сухих, И.Н. Литература: учебник для 11 класса. В 2 ч. Ч. 1. М.: Издательский центр «Академия», 2011.

Чудаков, А.П. «Неприличные слова» и облик классика. О купюрах в изданиях писем Чехова // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 54–56.

Шкловский, В.Б. Рыбу ножом // Жизнь искусства. 1921. 19–24 июля (№ 780–785). С. 2.

Шкловский, В.Б. Сентиментальное путешествие. М., Берлин: Геликон, 1923.

References

Bushkanets, L.E. (2012). “*On mezhdu nami zhil...*”. *A.P. Chekhov i russkoye obshchestvo kontsa XIX – nachala XX veka*. [“He lived among us...” A.P. Chekhov and Russian society of the late 19th – early 20th century]. Kazan: Kazanskiy universitet.

Chudakov, A.P. (1991). “*Neprilichnyye slova*” i oblik klassika. O kupyurakh v izdaniyakh pisem Chekhova [“Indecent words” and the image of a classic. On the cuts in the editions of Chekhov’s letters]. *Literaturnoye Obozreniye* [Literary Review], 11, 54–56.

Gitovich, I.E. (2018). *Itog kak novyye problemy. Stat’i i retsenzii raznykh let ob A.P. Chekhove, ego vremeni, okruzhenii i chekhovedenii* [The result as a new problem. The articles and reviews on A.P. Chekhov, his time, environment and Chekhovian studies]. Moscow: Literaturnyy muzey.

Korovina, V.Ya. (Ed.). (2008). *Literatura. 9 klass: uchebnyk dlya obshcheobrazovatel’nykh uchrezhdeniy. V 2 ch. Ch. 2*. [Literature. Grade 9. Textbook for middle school. In 2 vols. Vol 2.]. Moscow: Prosveshcheniye.

Rayfield, D. (2006). “On k velichan’yam eshche ne privyk...” [“He is still a stranger to praise...”]. *Novoye Literaturnoye Obozreniye* [New Literary Observer], 77, 21–23.

Rayfield, D., & Shenderova, A. (2010). “Ves’ kompromat Chekhov sobral na sebya sam” [“Chekhov collected all the compromising evidence on himself”]. *Vlast’* [The Power], 3, 40–41.

Rayfield, D. *Zhizn’ Antona Chekhova* [Anton Chekhov: a Life]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.

Shklovskiy, V.B. (1921, July 19–24). Rybu nozhom [Eating fish by cutting it with a knife]. *Zhizn’ Iskusstva* [The Life of Art], 780–785, 2.

Shklovskiy, V.B. (1923). *Sentimental’noye puteshestviye* [A sentimental journey]. Moscow, Berlin: Gelikon.

Sukhikh, I.N. (2011). *Literatura: uchebnyk dlya 11 klassa. V 2 ch. Ch. 1*. [Literature. Textbook for grade 11. In 2 vols. Vol 1.]. Moscow: Izdatel’skiy tsentr “Akademiya”.

Vasil’yeva, I.E., & Stepanov, A.D. (2022). V zerkale “Chekhovskogo vestnika”: chekhovedeniye za tridtsat’ let [In the mirror of “Chekhov Herald”: Chekhovian studies of the last 30 years]. *Russkaya Literatura* [Russian Literature], 2, 248–254. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-248-254

Yezhov, N.M. (1909). Anton Pavlovich Chekhov (Opyt kharakteristiki) [Anton Pavlovich Chekhov (The attempt of characteristics)]. *Istoricheskiy Vestnik* [Historical Herald], 8, 499–519.

Yezhov, N.M. (1909). Moya stat’ya o Chekhove. (Beseda s chitatel’yami) [About my article on Chekhov. (A conversation with

a readers)]. *Istoricheskiy Vestnik* [Historical Herald], 11, 595–607.

Zinin S.A., & Sakharov V.I. (2012). *Literatura. 10 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. V 2 ch. Ch. 1.* [Literature. Grade 10. Textbook for a

middle school. In 2 vols. Vol 1.]. Moscow: Russkoye slovo.

Zolotonosov, M.N. (2007). *Drugoy Chekhov: po tu storonu printsipa zhenofobii* [The other Chekhov: on the other side of the principle of misogyny]. Moscow: Ladomir.

Для цитирования: Зайцев, В.С. А.П. Чехов и «биографии с бородавками»: генезис, алгоритмы создания и специфика жанра // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 65–81. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-65-81

For citation: Zaitsev, V.S. (2023). A.P. Chekhov and “warts-and-all biographies”: genesis, algorithms of making and specificity of the genre. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 65–81. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-65-81

**A.P. CHEKHOV AND “WARTS-AND-ALL BIOGRAPHIES”:
GENESIS, ALGORITHMS OF MAKINGS
AND SPECIFICITY OF THE GENRE**

Viktor S. Zaitsev, PhD in Culturology, researcher, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (Moscow, Russia); e-mail: vik.zaytsev2014@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of “desacralizing” biography at the example of several studies of A.P. Chekhov’s life and works, and to the reasons of popularity of such biographies among the mass readers. This way to describe Chekhov’s life is partly connected with the memoir tradition, in particular, with the essay by N.M. Yezhov “Anton Pavlovich Chekhov (An attempt of characteristics)” (1909). N.M. Yezhov tried to create an objective yet creative psychological portrait of the writer, based on the experience of personal communication with A.P. Chekhov. The attempt was reduced to a many unprovable invectives and was perceived by the majority of contemporaries with a lot of skepticism. Today this genre of Chekhovian studies and literary criticism can be considered as an example of a postmodern approach to culture, which is characterized by de-canonizing of studies and depiction of classical cultural heritage. A book, which demonstrates all peculiar treats of the postmodern “desacralizing” way of cultural research, is the book written by D. Rayfield “Anton Chekhov: a life”. On the example of D. Rayfield’s book, we can see all the specific features of the phenomenon of “warts-and-all biography” (as the author describes the essence of this approach in one of his interviews): polemical references to the Chekhovian studies researches, quasi-scientific way of the presentation of the facts, the illusion of an objective presentation, combination of proven facts with the biographer’s unprovable assumptions. A careful analysis of all the components of desacralizing biographies allows us to conclude that the main target audience of their creators is the popular readers, which perceive de-canonizing works (pretending to be academic books) as a fully scientific evidence-based new look at certain aspects of Chekhov’s biography. In D. Rayfield’s work, this impression is also formed by the purposeful transformation of some ordinary facts of Chekhov’s biography into the crucial events in the writer’s life. The study of such works and the reaction of the wide readers to them is necessary for academic science to approach theoretically the contemporary cultural trends.

Key words: A.P. Chekhov, N.M. Yezhov, D. Rayfield, Chekhovian studies, biography, popular reading

